

НА КРЫШЕ МИРА

Операция в Памире (Памир — крыша мира) началась 15 марта 1984 года. Нашей дивизии была поставлена задача: во-первых, провести колонны с грузами для 860 омсп, который дислоцировался в провинции Бадахшан, а так же с грузами для властей и населения провинции; во-вторых, очистить прилегающие к городу горные районы от бандформирований, чтобы там установить воинские гарнизоны.

Командир 149 гв. мсп подполковник А. И. Скородумов
с разведротой на смотре.
Справа — командир роты старший лейтенант А. И. Васильев

Конкретным же поводом для проведения операции было то, что в провинциальном центре Файзабаде, с помощью СССР была построена гидроэлектростанция для снабжения города дешевым электричеством. Это была, конечно, не Волжская и не Киевская ГЭС, но по тем масштабам и времени это было весьма нужное сооружение.

Душманы тоже времени даром не теряли. Сама станция хорошо охранялась и была недоступна для их диверсий. Тогда они взорвали скалу в 7–10 километрах от города, перекрыли горную реку, питающую водой электростанцию и пустили ее по другому руслу.

То есть электростанция — есть, воды — нет. По замыслу и исполнению этой диверсии, чувствовалась умелая и опытная рука. Тут были явно не кишлачники-декхане.

Необходимо было по узловым точкам горной реки поставить гарнизоны афганских войск для ее охраны и обороны. Ну и самое главное, что требовалось от нас — очистить прилегающие районы и сам город Файзабад от бандформирований.

Рано утром 15.03.1984 г. мы тронулись в путь. Дивизией это, конечно, нельзя было назвать, так как в боевом составе нашего формирования было 4 мотострелковых батальона, разведывательный батальон дивизии и разведывательные роты 149 и 122 мсп, а также несколько танковых рот из этих мотострелковых полков (танкового полка у нас в дивизии не было). Кроме того, артиллерия, машины с грузами, боеприпасами, горючим и так далее. Колонна растянулась километров на 40.

Весь путь до Файзабада, а это более 200 км, планировалось пройти за два дня. В первый день до Кишима — 90–100 км, второй день — 110 км. Не удивляйтесь малым суточным переходам, дорога с покрытием была только до Талукана (50 км), а дальше горный проселок, где машины иногда движутся со скоростью пешехода. Тем более движение по дорогам осуществлялось только с 8.00 до 16.00.

Прибыв в Кишим, где на его окраине базировался батальон 860 омсп и начиналась их зона ответственности, я воочию стал свидетелем подрыва на mine нашего офицера — командира батареи управления и артиллерийской разведки начальника артиллерии дивизии (БУАР).

Мы стояли на дороге у шлагбаума при въезде в гарнизон. Мы — это я, переводчик Якубов, командир местного батальона и командир БУАР, фамилии которого я уже не помню. Командир батальона рассказывал мне об обстановке в городе и уезде. Я был там первый раз и слушал с интересом.

Кишим был вообще известным для нас местом: здесь южнее 12–15 км у кишлака Шаеста, 03.08.1980 г. попал в засаду разведывательный батальон, погибло 45 и было ранено 49 человек. Буквально в 3–5 км отсюда в конце августа 1982 года подорвалась на фугасе БМП с разведчиками 149 гв. мсп, погибло 12 человек. Разбитый корпус этой машины, наверное, лежит у дороги и сейчас.

Так вот, при разговоре я обратил внимание, что в 30–40 метрах от нас у проволочного ограждения лежит труп ишачка, явно разорванного взрывом мины. «Что, разве здесь минировано?» — спросил я, — «Да, здесь и справа и слева от дороги стоят мины, кто и когда их поставил, мы не знаем» — ответил комбат. Меня очень удивило, что минные поля не обозначены, это было нарушением всех элементарных правил.

Повернувшись, мы с переводчиком и комбатом пошли в гарнизон и, пройдя метров 30, услышали сзади глухой взрыв.

Оглянувшись, я увидел столб пыли и корчащегося на земле человека — командира БУАР. Он лежал метрах в 20 от дороги. Из обрывков комбинезона торчала кость ноги, он громко кричал о помощи. Первым стремлением было броситься к нему, но ведь он лежал на минном поле!

Тут же комбат вызвал танк, на него, выехав на минное поле, подняли офицера и повезли в санчасть. Он был в сознании и повторял, — «..все, отвоевался, отвоевался...». А прослужил он в Афганистане 22 дня. Немедленно оказали ему первую помощь и вызвали вертолет, на котором его эвакуировали его в Кундуз, в госпиталь. Как и зачем он оказался на минном поле никто не видел. Это был первый и последний его выход на боевую операцию.

На следующий день мы прибыли в Файзабад и сосредоточились в гарнизоне 860 омсп. Там же и развернули КП дивизии. Я спросил разрешения у комдива организовать свой НП на позициях противотанкового дивизиона, занимавшего господствующую над городом высоту, видимость с которой была километров на 20. Получив такое разрешение, я немедленно туда выехал и организовал наблюдение. На утро следующего дня мы с Намозом поехали в город в местные органы госбезопасности для уточнения обстановки и организации взаимодействия. Потом поехали на аэродром, где находилась местная оперативная агентурная группа (ОАГр), уточнили обстановку и разведанные у них.

Ценного мы от них ничего не получили, так как на их машину несколько недель назад было совершено нападение, были убиты 3 человека: оперативный офицер, переводчик и водитель, поэтому они сидели тише воды, ниже травы и боялись высунуть нос из гарнизона. Вернувшись на КП я доложил полученные данные и свои выводы по ним.

На совещании, посвященном организации взаимодействия, познакомился с командиром 860 омсп подполковником Сидоровым, он здесь был недавно, заменив снятого с должности подполковника Л. Я. Рохлина (будущего генерала и героя 1-й Чеченской войны 1995 года).

История снятия с должности Рохлина вообще темная: как всегда, надо было найти стрелочника за потери (15 убитых, 80 раненых и 7 потерянных БМП, из которых 3

успели подорвать и сжечь, а 4 «ушли» к душманам исправными), понесенные 2-м батальоном полка в Бахаракской операции под громким названием «Возмездие». Операцию проводил штаб армии, а виновным сделали командира полка, хотя он был, как говорят, «ни сном, ни духом».

Сидорову тоже недолго пришлось командовать полком: в конце сентября он погибнет от случайного взрыва своей собственной гранаты в подсумке, у которой сломается предохранительная чека.

Комдив поставил задачу: завтра с утра высаживаем 3 десанта, каждый по роте, в район созданной душманами дамбы, подрываем ее и начинаем «чистить» окрестности. Одновременно два батальона действуют в других направлениях с аналогичными задачами. Батальон же 860 омсп с нашим усилением идет по дороге на Бахарак, где дислоцировался еще один их батальон, ведет туда колонну с материальными средствами и новой техникой. В обычное время сообщение с Бахаракком было только по воздуху.

Утром следующего дня я уже был на своем НП и наблюдал высадку вертолетного десанта. Первые несколько машин удачно приземлились и, высадив десант, взлетели. Следующая же тройка вертолетов садилась уже под огнем «духовского» пулемета ДШК.

На счастье, пулеметчик открыл огонь, когда вертолеты были уже на высоте метров 10 и две машины получив попадания, свалились набок и, зацепив лопастями винта землю, рухнули вниз. Находившиеся в вертолетах люди получили травмы, но никто не погиб. И это было уже хорошо. Прилетевшие боевые вертолеты МИ-24 быстро подавили огневую точку, и высадка десанта продолжилась.

Взорвав дамбу пехота начала прочесывать близлежащие районы и вскоре обнаружила несколько пещер, подготовленных как пункты базирования бандформирований. Там были мины, взрывчатка, выстрелы к РПГ, пропагандистская литература, продовольствие и медикаменты. Сами

душманы разбежались еще при высадке десанта. Что же, первый день дал хорошие результаты, как всегда сыграл фактор внезапности.

А вот на дороге, что вела на Бахарак, события разворачивались не так успешно. Сама эта дорога проходила по ущелью (ширина дороги 3–4 метра) вдоль протекавшей здесь р. Кокча. Она была буквально напшигована минами. Кроме того, с прилегающих гор постоянно вели огонь снайперы. Особого эффекта огонь их не давал, так как велся с большого расстояния, но изрядно мешал саперам снимать мины. На второй день, когда наша колонна продвинулась километров на 10 (всего до Бахарака было 40 км), душманы подорвали целую скалу, которая завалила вообще целый участок дороги почти на километр. Здесь уже мы были бессильны, ведь для проделывания прохода в этом завале была нужна тяжелая дорожная техника и время недели 2–3. А поскольку ни первого, ни второго у нас не было, то пришлось вернуться ни с чем.

В основном же районе операции тоже не все шло гладко. Прежде всего, подводила погода. Хоть и был уже конец марта, но было холодно, шли дожди, сплошная грязь. Ночью заморозки, люди насквозь промокшие, покрывались ледяным панцирем. Было уже несколько случаев смерти от переохлаждения. К тому же большинство рот действовали в высокогорных районах, где лежали вечные снега.

Кого мы там искали, видимо знал только генерал Орел, начальник оперативной группы Генштаба, присланной из Москвы. Им нужны были громкие победы, ордена и все такое прочее. Вот и чесали мы обледенелые горы, хотя все прекрасно понимали, что никого там нет.

Обычная тактика душманов: при прибытии наших значительных сил в район операции, они прятали оружие и расходились по домам. Но Орел почему-то считал, что душманы сидят в высокогорных пещерах, стуча там зубами от холода. Мои доводы он отвергал и все требовал взять

«языка». Я предлагал ему вместе с батальоном ХАД провести облаву на базаре: там бы мы наловили этих душманов сколько душе угодно. А он, — «...какой базар, какая облава? Вы войсковая разведка и должны вести разведку уставными способами». Комдив, слушая наши разговоры, только хмыкал, но не вмешивался.

Пришлось несколько ночей гонять в засады разведроту 149 гв. мсп. Ничего, конечно, они не нашли да и не могли найти. Я, же зная это и опасаясь случайных потерь, приказал командиру роты ставить засады вблизи нашего боевого охранения, а в горы не ходить.

Оно ведь хорошо в теплой палатке штаба мыслить и выдумывать черт-те что, а люди будут мерзнуть и мокнуть всю ночь, проклиная меня за бесполезную засаду. Кроме того, большая возможность самим нарваться на засаду или мины. Этого я боялся больше всего. Поэтому поморочил я голову генералу несколько дней, он вскоре потерял к своей идее интерес и отстал от меня.

В один из дней, командир дивизии взял меня и начальника связи в вертолет, и мы полетели осматривать район действий. Летим, внизу горы в снегу. Кое-где видны наши отдельные пешие группы, пробирающиеся по сугробам. Начальник связи по радиостанции связывается с ними, уточняет обстановку. Вдруг где-то глубоко в ущелье задымила сигнальная пашка оранжевого цвета. Но эфир молчит. Опустившись ниже, мы видим группу наших солдат, человека 4, отчаянно машущих руками. На снегу лежит еще 4 человека, непонятно мертвые или раненые. Причем они находятся не на дне ущелья, а на небольшой площадке выше по склону метров на 100. Ясно, что им нужна помощь, но как это сделать?

Вижу, комдив дает команду командиру вертолета: «Посадка». Тот что-то пытается возразить, но комдив на него рывкнул и тот начал снижаться. Машина спиралями стала опускаться на дно ущелья, мы отодвинули дверь кабины

наружу, и я в 30–40 метрах от себя увидел скалы, пещеры, расщелины. Сейчас чтобы сбить наш вертолет достаточно было кремневого ружья, я уж не говорю про автомат.

Летчик осторожно опустил машину на небольшую площадку передним и левым колесами, правое колесо висело над пропастью. Мы пулей выскочили из вертолета и начали забрасывать в него убитых и раненых, их оружие. Тела убитых были окоченевшими как дрова, раненые вопили благим матом, но на это никто не обращал внимания. Главное было — успеть! Через пару минут быстро заняли свои места и мы взлетели. Опять этот медленный подъем, опять эти стены и пещеры.

Но Бог был на нашей стороне, мы набрали высоту и благополучно долетели назад. До конца своей жизни я не забуду эту посадку. Хотя все это произошло в течение каких-то 10 минут, мне они показалось вечностью.

Что же случилось с солдатами? Отделение, численностью 8 человек, во главе с сержантом действовало в качестве дозора от роты, шли по ущелью впереди где-то в метрах 500.

Как уж там они потерялись, точно не знаю, питание на их рации село, и они оказались чуть не в центре Памира на высоте почти 2000 метров без карты и связи. Начало темнеть, смотрят, стоят несколько хижин. Вошли туда, там несколько стариков, женщин, детей. Мужиков нет. Остановились на отдых, афганцы им дали поесть, вскипятили чай. Отдохнули до утра, утром продолжили движение. Но «духи» оказывается, следили за ними давно и поняли, что эта группа заблудилась. Когда они спали, они не стали нападать на них, хотя это было легко сделать. Боялись за жен, детей и кишлак, который бы наверняка разбомбили, если бы наши установили в нем факт нападения. Поэтому они дали им уйти от кишлака километра на 3, где и организовали засаду.

Нападение планировали в самом уязвимом месте, где дорога переходила через брод на другой берег речки. Но солдаты стали переходить брод грамотно, не толпой, как этого ожидали душманы, а разделившись на две группы. Когда первая группа вошла в воду и душманы открыли по ней огонь, вторая открыла ответный огонь с берега и прикрыла их.

Душманов было немного – человек 5, причем вооруженных винтовками. Они и напасть-то решились только с расчетом на внезапность. Вступать же в полновесный огневой бой им было не по силам. Поэтому, увидев, что с засадой ничего не получилось, они отошли назад в надежде, что выдастся более удачный момент.

Вот и ситуация: двое убитых, двое раненых, причем неходячих. Оставшиеся 4 человека решили дальше по ущелью не идти, да и не было у них такой возможности, а подняться вверх из ущелья, в надежде, что может быть какой-то пролетающий вертолет их увидит. Да и надеялись, что их будут искать.

Сил у них, однако, хватило подняться только метров на 100. Глубина же ущелья была метров 700–800. Полностью обессилев, они заняли оборону на площадке, на которой мы их нашли.

Кстати сказать, не окажись мы там, неизвестно, что бы еще с ними было. Ведь командир 149 полка подполковник Акулов не доложил в дивизию о том, что у него пропало отделение солдат, а сам поиски не организовал. И когда комдив его «драл», оправдывался, что он только хотел доложить, а мы уже нашли их. Вот такой детский сад!

В течение еще почти 3-х недель мы выполняли задачи в Памире. Цель операции была достигнута, власти запустили гидроэлектростанцию. Как память об этой операции я храню кусок камня — лазурита, захваченного в одном из караванов нашими разведчиками.

«В ГОРАХ АФГАНИ...»

Майор
М. Г. Ярощук,
ст. помощник
НР 201 мсд

Хочу рассказать еще об одном человеке. Майор Ярощук Михаил Григорьевич — старший помощник начальника разведки дивизии, мой старший помощник.

В ДРА прибыл в октябре 1983 года из Калининграда по замене вместо майора Булдыки, о котором я писал в начале книги. Возраст такой же, как и у того — 43 года. Не знаю, как уж он согласился на службу в Афганистане: до пенсии 2 года, в Калининграде — квартира, жена, две взрослые дочери. Тем не менее, приехал не только служить, но и воевать, ведь война в Афганистане шла уже 4 года и в армии хорошо знали, что там делается.

Скажу сразу, что при первой нашей встрече, он мне не понравился. Во-первых, неопрятный внешний вид, щетина, видно, что с «бодуна». То есть главный житейский принцип: встречают по одежке, провожают по уму, до него в 43 года еще не дошел.

Во-вторых, пожилой, помятый жизнью человек, явно не высказывающий комсомольского энтузиазма активно участвовать в процессе оказания интернациональной помощи ДРА.

Сейчас-то я понимаю, что он был настолько растерян и потрясен тем, что на старости лет оказался в Афганистане,

что уже считал себя погибшим для семьи и для себя. А раз пропащий, зачем бриться и чистить сапоги?

Я конечно, первым делом отправил его приводить себя в порядок, потом обстоятельно с ним побеседовал. Он, конечно, был старый служака и в войсковой разведке как говорится, зубы съел, но в пустыне и горах не бывал, на войне — тем более. Поэтому я постарался хотя бы в общих чертах обрисовать обстановку в зоне ответственности дивизии, наших задачах, его роли и месте во всем этом. Надо сказать, что мои слова тогда он слушал в пол-уха, видимо его донимали свои мысли и заботы, а все остальное не слишком его интересовало.

По своему опыту я знал, что первое впечатление не всегда правильное, но дальнейшие события подкрепили мою уверенность в своих выводах.

Если он в дальнейшем более или менее стал следить за своим внешним видом, то с алкоголем все оставалось по-прежнему. Частенько по утрам от него шел такой «шлейф», что хоть огурцом закусывай. На мои замечания он отмалчивался, но в его некоторых высказываниях проскользнуло, что он человек конченный и хуже ему уже не будет.

Я к тому времени был в Афгане почти 10 месяцев, уже кое-что повидал и не собирался терпеть такую службу. Прежде всего, я ему на практике показал, что ему есть чего терять и хорошую жизнь еще надо заслужить.

Через несколько дней, я отправил его с разведротой 149 мсп на боевые действия в зеленую зону уезда Чардара под Кундузом. В общем-то, задание самое рядовое, и я сам и все офицеры разведотделения периодически выходили на боевые действия с ротами. Но ему сразу крепко «повезло», они там напоролись на такой огонь и сопротивление, что даже опытные разведчики такого не видели. Бой шел целый день и лишь к вечеру рота вышла в назначенный район.

Дальше — больше. Через несколько дней опять подобный случай: направил его с ротой разведбата в десант для проверки результатов нанесения авиаудара. И опять ему «везение» — душманы сбили наш вертолет на взлете после высадки десанта, хорошо, что хоть пустой, десантная группа пешком через зеленую зону почти 10 км под обстрелом выходила в расположение своих войск, вплавь преодолевали р. Кундуз, вынося с собой трупы двух летчиков и техника вертолета. Короче впечатлений от всего увиденного — масса.

Смотрю, Михаил Григорьевич уже начинает поглядывать на меня с уважением. Решил закрепить это дело, послал с разведотрядом в горы на неделю. Боев там особых не было, но физические нагрузки дикие. Молодежь валилась с ног, а ему-то, хотя он вроде и жилистый мужик был — вдвойне тяжелее. Зато мысли в голову дурные не лезут и от алкоголя далеко.

Короче говоря, в один прекрасный день стал он мне намекать, что использую я его не по назначению, он старший помощник начальника разведки дивизии, а не командир взвода.

«Правильно, — сказал ему я, — наконец-то ты вспомнил об этом. Но пока ты не будешь делать, что положено тебе по должности, будешь резервным командиром взвода».

Он все это прекрасно понял, занялся бумажной работой в разведотделении и другими насущными вопросами. Практически перестал выпивать, оказалось, что это опытный и надежный человек, хороший специалист. А боевой опыт он с моей помощью приобрел быстро, работали мы с ним далее без всяких уже эксцессов.

Но, как это ни печально, все-таки погиб Михаил Григорьевич. Видимо, было у него такое предчувствие, когда прощался дома с семьей. Чувствовал, что не увидит их

больше, может, поэтому, так и «психовал» от беспомощности, от невозможности что-то изменить. А отказаться от службы в Афганистане ему не позволила офицерская честь и порядочность.

Я часто думаю об этом. Почему люди, обладающие честью и чувством долга, несут самую тяжелую ношу? Почему негодяи всегда в конечном итоге выигрывают? И это не пустые слова.

Например, командир нашей 88мсд в Кушке генерал-майор Багрянцев просто-напросто отказался ехать в Афганистан. Доводом было то, что он и так служит на краю света. И ведь остался генералом, членом партии и уважаемым человеком, конечно, для тех, кто не знает этого случая. А ведь в любом нормальном государстве он бы немедленно был бы лишен генеральского звания, уволен из армии, я уж не говорю, что с ним бы было при любом тоталитарном режиме.

Это я говорю для тех, кто кричит, что от службы в ДРА нельзя было отказаться.

Уже не говорю о тех, кто прикрывался липовыми справками, знакомствами, взятками наконец. Таких тысячи и тысячи, многие из них занимали и занимают высокие посты. На очередном праздновании вывода Советских войск из Афганистана они лицемерно сожалеют, что им не довелось там служить. Врут!! Кто хотел, тот попал.

Наше государство — СССР, почти 10 лет вело войну и надо было лишь только желание, чтобы там оказаться. Это сейчас в горячие точки мира стоит очередь — риск минимальный, а платят достойно.

А вот командир 783 орб майор Сергей Козлов, прослужив 15 лет на Дальнем Востоке, написал 6 рапортов с просьбой послать его в Афганистан. Наконец, послали. Но прослужил он там всего 3 месяца. В феврале 1985 года погиб в г. Баглане, подорвавшись на mine.

Майор
С. В. Козлов,
командир 783 орб

Есть, конечно, и другая категория офицеров, да и не только офицеров. Они служили в Афганистане, но на должностях не связанных с участием в боевых операциях. Я помню как там они: тыловики, технари, финансисты, строители — да мало ли там было невоюющих должностей, заявляли: «Кто на что учился», мол, вы пехота, танкисты, разведчики, десантники учились этому, вот и воюйте!

Однако, едва успев пересечь границу СССР, они становились такими матерыми вояками, что не давали иногда сказать и слова действительным участникам боевых действий. Посмотрите, кто сейчас сидит в ветеранских организациях? Бывшие политработники, авиаторы наземного состава, тыловики и все прочие, кто в Афганистане был никем. Посмотрите на их награды. Ведь это одни значки, которые они сами себе и придумали.

И когда видишь по телевизору бывшего замполита армейского полка связи, который говорит, что он до сих пор во сне ходит в атаку, хочется только плюнуть на этого враня.

Есть среди этих враней и бывшие солдаты. Особенно из числа тех, кто сейчас занимает высокое положение в ветеранских организациях. Почему? Они вроде и служили в Афганистане, но далеко не все воевали. А говорить открыто об этом не хочется. Например, лет 15 назад в одной из киевских газет появилась рубрика типа «Солдаты вспоминают Афганистан» и в ней статьи бывших солдат про свою службу. Так такого и у барона Мюнхгаузена не услышишь. Я сначала терпел-терпел, думал — это безобидно. Но когда бывший сержант взвода связи 395 мсп,

ныне какой-то чин в киевской городской ветеранской организации начал там расписывать свои подвиги: и как он душманов пачками клал, какую он имел агентурную сеть (?!), и как командование батальона советовалось с ним и т.д.

Причем, он служил со мной в одно время, потому, что я знаю те фамилии, которыми он оперирует. Я не выдержал и написал возмущенное письмо в редакцию. Говорю: «Да не будьте вы лохами, не печатайте бред больного воображения, не позорьте, в первую очередь, свою газету, а во-вторую — настоящих бойцов». Причем подписался и дал свой адрес и телефон. Думал, что получу хоть какой-нибудь ответ. Однако не получил. Не знаю, повлияло ли это, но вскоре рубрику закрыли.

Я уже не говорю об Интернете. Там ввали всех мастей рассказывают такие истории, что уши вянут. Особенно запомнилось интервью газете одного «героя» из Калининграда, некого Александра Абидуева, отставного капитана.

Запомнилось потому, что он служил в то же время, что и я, скорее всего в 395 полку нашей дивизии, потому что вспоминает командира разведроты капитана Волика и командира полка подполковника Мазура, которых я хорошо знал.

Так вот, корреспонденту он представляется командиром какой-то мифической разведывательной группы «Гранит» спецназа ГРУ, одновременно подчиненной и КГБ. Награжден 3 орденами Красного знамени, которые ему носить нельзя из-за большой секретности операций, в которых он участвовал. Награжден и именовым оружием — 9-мм пистолетом Стечкина, который у него разбила пуля в бою. И так далее, и так далее. В общем, бред больного воображения.

Я же, сопоставив факты, пришел к выводу, что был он в 395 полку командиром обычного мотострелкового взво-

Уезд Андараб.
Весна 1984 г.

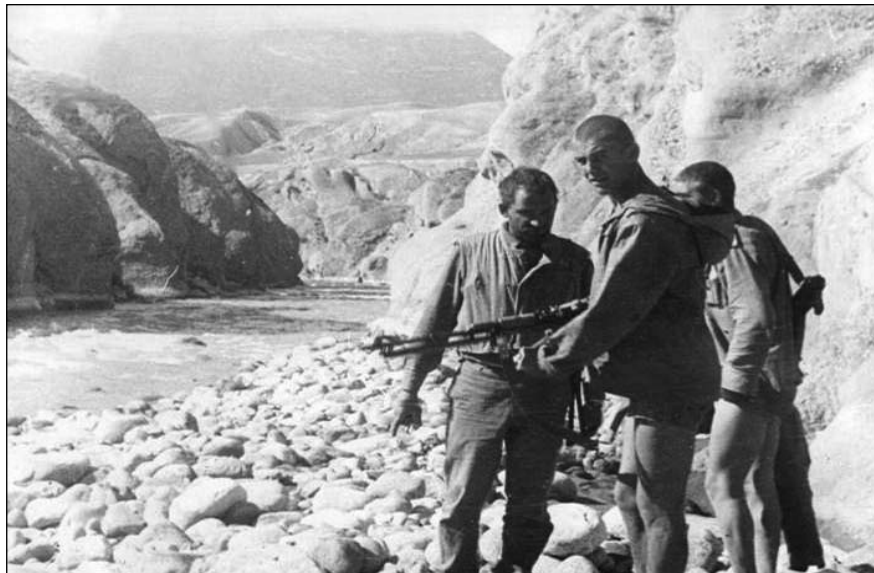
да и к разведке никакого отношения не имел. Может, и принимал участие в каких-то боевых действиях, поскольку награжден орденом Красной Звезды, но только в самых заурядных. Да и орден-то получил потому, что был ранен осколком снаряда своей же артиллерии.

Сейчас этот человек ведет какую-то тяжбу в суде, требует компенсации за ранение, у врачей требует справку, что ранение им получено от огня своей артиллерии. Естественно, что такую справку ему никто не дает, вот он и плетет корреспонденту небылицы, чтобы «засветиться» в СМИ. Удивляет, конечно, непрофессиональность журналистов, распространяющих такую «клюкву».

Вот в качестве положительного примера хочу назвать известного украинского политика, бывшего вице-премьера, а сейчас вице-спикера нашего парламента Николая Томенко, служившего в Афганистане в 177 мсп 108 мсд и прошедшего там боевой путь от командира отделения до старшего сержанта, заместителя командира мотострелкового взвода. Кто знает толк в армейской службе, тот понимает, что стать в пехоте замкомвзвода непросто. И наверняка Томенко участвовал в боях. Однако он никогда ни словом, ни какими-то своими действиями это не показывает и рейтинг свой, как политик, этим не пытается поднять.

Когда его корреспондент телевидения в интервью прямо спросил об этом, он ответил, что участвовал и выполнял все то, что от него требовалось. Для него это прошедший этап жизни и возвращаться в него он не хочет. Вот это, на мой взгляд, достойный человек!

Разведдозор 783 орб ведет разведку у р. Андараб. 1984 г.

Вернемся, однако, к истории гибели Михаила Григорьевича Ярощука.

Этому есть своя предыстория. Судьба - цепь событий, в своем большинстве, не зависящая от человека. Даже есть такое учение – фатализм, от слова *Fatum* – судьба. Я еще не раз вернусь к этому, потому, что являюсь убежденным его сторонником.

Так вот, 23 августа 1984 года я прибыл из очередного отпуска и приступил к исполнению своих обязанностей. Отпуск был плановым и Михаил Григорьевич должен был идти в отпуск после меня. Но получилась небольшая накладка – вместо одной плановой операции в районе Баглана, возникла еще одна неплановая – в провинции Андараб, где народная власть была установлена недавно – в мае 1984 года и где возникли серьезные проблемы.

Михаил Григорьевич был в Афганистане уже почти 11 месяцев, что по всем меркам очень много, нагрузка на

психику и здоровье колоссальная. Но ничего в данной ситуации нельзя было сделать: я был на плановой операции в Баглане с командиром дивизии, а ему пришлось участвовать в этой неплановой операции с заместителем командира дивизии полковником А. М. Толюковым. Однако, я заручился согласием Толюкова, о том, что после операции (предполагалось через 10–12 дней) он будет немедленно отправлен в отпуск.

Первая игра судьбы — должен был уехать в отпуск, но не уехал.

Вторая игра, приведшая непосредственно к его гибели, уже ни от кого не зависела.

Произошло это 12 сентября 1984 года. В этот день в ущелье Арзни (один из отрогов долины р. Андараб) был сбит огнем пулемета ДШК самолет СУ-17. Самолет наносил бомбовые удары вдоль ущелья на высоте 300–400 м, шел ниже гребня высот и налетел на заранее подготовленную засаду. Получив 8 попаданий, самолет потерял управление, летчик катапультировался, но в этот момент самолет перевернулся кабиной вниз и летчик был выстрелен катапультой в землю. Естественно, что парашют не раскрылся и летчик погиб. Самолет, пролетев еще около 500 метров, врезался в скалу.

Пара вертолетов МИ-8, осуществлявших целеуказание все это видела, но сделать посадку и взять мертвого летчика не могла, так как на их борту не было пехоты, только экипажи вертолетов.

Доложив на ЦКП ВВС о случившемся, они ушли на дозаправку. Одновременно об этом было доложено командующему 40 А, он приказал направить туда десант для эвакуации тела летчика. Время было около 14 часов, т.е. светлого времени оставалось порядка 3–4 часов. На КП оперативной группы дивизии в этот момент был майор Ярощук и около 20 человек разведроты 122 мсп. Есте-

твенно, что кроме них, в этот момент привлечь в десант было просто некого. Так Михаил Григорьевич получил задачу на эвакуацию тела летчика. Вылетели на двух вертолетах, по 10 человек в каждом.

Непосредственно у места падения самолета было сесть невозможно, т.к. ущелье здесь было узкое, шириной 150-200 м, горная река 3-5 м, большие валуны, деревья и кустарник.

Садиться вертолетам пришлось в 1,5–2 км от места падения самолета, где ущелье как бы раздваивалось, и там была пригодная площадка. Ярощук был в первом вертолете, они сели первыми и, не ожидая посадки второй группы, сразу после высадки побежали по ущелью к месту падения самолета.

Вторая группа под командованием командира взвода разведроты 122 мсп (фамилию его я, к сожалению, уже не помню) высадилась где-то минут через 15 после первой и тоже начала выдвигаться вслед за первой группой. Таким образом, десант двигался двумя группами с дистанцией в 300-400 м между ними.

Выйдя к месту падения летчика, первая группа была обстреляна небольшой группой мятежников (4–6 человек), вышедшей раньше их к самолету. Ярощук, шедший впереди, был сразу сражен первыми пулями и упал за валуны. Солдаты, шедшие за ним, попытались его вытянуть, но между ними и Михаилом Григорьевичем было 5–7 метров голого пространства. Солдат, попытавшийся пробежать к нему, был сразу убит, несколько человек ранены, в том числе и командир взвода. Оценив обстановку, видя, что группа попала под огонь не только с фронта, но и фланговый, он дал команду отойти назад на 150–200 м, что было вполне правильным решением. Выйдя на связь с КП, доложил обстановку и попросил выслать помощь и огневую поддержку.

По существующим правилам, взлет вертолетов разрешался только с ЦКП армии, а время уже было позднее, поэтому вылет вертолетов с десантом запретили. Для эвакуации разведроты 122 мсп в этот район отправили бронегруппу, а самой роте приказали самостоятельно выходить в район встречи где-то в 5–6 км от места падения самолета и гибели Михали Григорьевича. Это они сделали и поздно вечером их доставили в район нашего расположения.

Вечером я получил задачу от командира дивизии: с утра следующего дня с группой в 40 человек на 4 вертолетах высадиться в районе падения самолета и эвакуировать погибших.

Это мы сделали уже без особого труда. Забрали погибшего летчика и Ярощука. Он лежал за валуном, навзничь на спине. Глаза открыты. Пулевые ранения в ногу и в грудь. Переносица сломана от удара прикладом в лицо. Но крови на лице не было, значит, ударили уже мертвого. Видимо, первой очередью он был ранен в ногу, попытался себя перевязать, но подобранный с тыла душман выстрелил в упор и убил его наповал. Взяли автомат, гранаты, полевую сумку с картой, портупею, ботинки, панаму.

Летчик был разбит вообще всмятку. У него духи взяли только пистолет и сняли тапочки с ног. Уж простите за такие натуралистические подробности, но я практически единственный свидетель, поэтому рассказываю все то, что видел своими глазами.

Похоронен майор Ярощук в г. Калининграде, специальным постановлением горсовета на воинском кладбище в центре города, где покоятся останки солдат и офицеров Красной Армии, погибших при взятии Кенигсберга. Когда я слышу песню А. Розенбаума «В горах Афгани..», мне всегда вспоминается Михаил Григорьевич Ярощук, вечная ему память и слава!